

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-342-368>

<https://elibrary.ru/FJAIIV>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

Е.А. Андреева
**ПОЕДИНОК МСТИСЛАВА И РЕДЕДИ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА**

Аннотация: В статье рассматривается рецепция известного летописного сюжета о поединке древнерусского князя Мстислава и касожского князя Редеди в поздней литературной традиции. Особый интерес вызывает отношение авторов к образу врага (чужого) и характеристики героев противоборства. Очевидно, что древний сюжет стал привлекательным для последующих эпох, так как давал возможность осмыслить и переосмыслить понятия свой и чужой, герой и враг. Имагологическое восприятие Редеди отражало отношение к врагу в разные эпохи. Самый негативный образ противника появляется в тексте «Степенной книги царского родословия», составленной в эпоху победы над ордынским владычеством и централизации власти в руках московской ветви князей. Образ Редеди создается в соответствии с библейской (поединок Давида и Голиафа) и древнерусской (эпохи ордынского ига) традициями, в тексте он не просто человек, враг, но воплощение смертного греха, гордыни. Поздние тексты отказываются от расчеловечивания и обесчеловечивания врага, превращения его в символ зла, но представляют как воина, противника, побежденного, наряду с этим из текстов постепенно уходят религиозные мотивы и восприятие победы Мстислава как чуда. Интерес смещается от образа врага к образу своего, князя Мстислава, который теперь лишается однозначной идеализации, хоть и остается в целом положительным персонажем.

Ключевые слова: поединок, единоборство, враг, чужой, летопись, имагология, стихотворение.

Ekaterina A. Andreeva
**MSTISLAV AND REDEDYA'S DUEL:
TRANSFORMATION OF THE ENEMY'S IMAGE**

Abstract: The article examines the reception of a famous chronicle plot on the single combat of the Old Russian Prince Mstislav and the Kasozhsky Prince Rededy in the late literary tradition. It is interesting to trace the authors' attitude to the image of enemy (alien) and characteristics of the heroes of confrontation.

The old plot became attractive as it made it possible to comprehend and rethink the concepts of friend and alien, hero and enemy. The imagological perception of Rededyā reflected the attitude towards the enemy in different epochs. The most negative image of enemy appears in the text of the *Power Book of the Royal Genealogy*, compiled in the era of victory over the Horde and the centralization of power in the hands of Moscow branch of princes. The image of Rededyā is created in accordance with the biblical (the combat between David and Goliath) and Old Russian (the era of the Horde yoke) traditions, in the text he is not just a man, an enemy, but the embodiment of mortal sin, pride. Later texts refuse to dehumanize the enemy, turning him into a symbol of evil, but present him as a warrior, an opponent, a defeated one, at the same time religious motives and the perception of Mstislav's victory as a miracle gradually disappear from the texts. Interest is shifting from the image of enemy to the image of prince Mstislav, who is now deprived of idealization, although he remains a generally positive character.

Keywords: duel, single combat, enemy, alien, chronicle, imagology, poem.

Известный в древнерусской литературе сюжет оказался востребован и в литературе Нового времени. Противостояние древнерусского князя Мстислава касожскому князю (или богатырю, великану) Редеди дало почву для размышлений о силе веры, храбрости, удаче, о том, что такое победа и как ее можно одержать. Мстислав, с некоторыми исключениями, всегда изображался как свой, понятный, православный, смелый князь. В поздней традиции переосмыслению подвергся образ врага, чужого, иноверца Редеди. В воссоздании его образа нейтральные характеристики сменялись резко негативными, привычные поступки оценивались как коварные, его сила в одних источниках преувеличивалась, а в других противоборствующие герои были представлены как равные соперники. Так или иначе, на создание образа врага в первую очередь повлияла политическая и религиозная установка, присущая тому времени, в который создавались тексты.

В центре нашего внимания окажутся пять текстов: два — древнерусских и три — Нового времени (дума К. Рылеева и стихотворение В. Сосноры, роман В. Иванова «Русь Великая»).

Образы «чужих», «других» наций, народов, культур, инородных для воспринимающего субъекта, изучает научная дисциплина имагология. Ее целью является воссоздание атмосферы отношений, менталитета, характеров, речи иных, а также воспроизведение стереотипов

обыденного сознания. Образами «чужих» наполнена древнерусская литература, чужими являются кочевые племена, захватчики, с которыми приходится бороться, иноверцы, но иногда эти образы создаются искусственно в угоду конкретным идеям и установкам. К устойчивым представлениям о чертах конкретного (враждебного) народа добавляются типичные клишированные определения-характеристики, служащие цели показать врага в исключительно дурном свете, представить его безбожным, окаянным, незаконным, не заслуживающим уважения, не требующим понимания, бесчеловечным и жестоким.

Одна из особенностей, которая отличает врага от своего, — это язык: «...язычники — те, кто живет по чуждым странам» [6, с. 131]. Однако после нашествия Батыя ситуация меняется: древние русичи «входят в непосредственный контакт с чужеродными массами людей, языка которых они не знают» [6, с. 131]. Но постепенно для древнерусских авторов основным отличием своего от чужого становится не только и не столько язык, сколько вера. А потому противники часто предстают иноверцами, борющимися с православными князьями, которые вынуждены защищаться и защищать свою веру.

1. Князь касожский Редедя

В.В. Долгов выделял несколько типов поединков, имевших место в Древней Руси, среди которых судебные (самые многочисленные и подробно описанные), «потешные» (игровые, тренировочные) турниры и на последнем месте (по количеству упоминаний) боевые поединки, предшествовавшие основной битве [4].

В основе рассматриваемого сюжета лежит описание единоборства между двумя воинами, а в случае с Мстиславом и Редедей не только воинами, но и князьями. Сюжет единоборства в русской литературе и фольклоре своими корнями восходит к библейскому — описанию поединка Давида и Голиафа. Его нельзя считать распространенным в древнерусских источниках, хотя основные его вариации хорошо известны: единоборство юноши-кожемяки и печенега; бой князей Мстислава и Редеди, битва Евпатия Коловрата с ордынцем Хостоврулом, поединок Пересвета и Челубея. В основе лежат следующие топосы:

- встречаются два войска;
- бой ведется воинами противостоящих войск один на один на глазах у всех (двух враждующих войск);

— известны условия поединка, понятно, что будет с победившим и проигравшим, очевидно, за что борются герои;

— как правило, один из героев кажется более сильным, хотя оказывается духовно слабее, в свою очередь тот, кто кажется физически слабым, может одержать верх (это очевиднее на примере домонгольских сюжетов);

— выиграть в поединке помогает божественное вмешательство (сила духа и веры), т. е. победа мыслится как чудо (см. подробнее: [10]).

Историю о противоборстве тмутараканского князя Мстислава Владимировича Удалого (Храброго) и касожского князя Редеди можно обнаружить в ранних летописных сводах, в Лаврентьевской и Ипатьевской летописи сообщается о событиях 1022 г. (интересно, что в поздней Никоновской летописи, обрабатывающей и часто дополняющей краткие и безэмоциональные погодные записи раннего летописания, сюжет сохранен в первоначальном виде).

Обратим внимание на следующие ведущие мотивы раннего сюжета:

1) Мстислав (по своей инициативе) отправляется биться с касогами.

2) Касожский князь, узнав о приближении вражеского войска, принимает решение выйти ему навстречу.

3) Именно Редедя предлагает Мстиславу поединок, чтобы не губить дружину.

4) Редедя же говорит о том, что ждет победителя и проигравшего.

5) Редедя предлагает вести бой не с помощью оружия, но голыми руками. В вопросах переговоров о самой битве он более инициативен и многословен. Мстислав лишь соглашается: «И ре Мъстиславъ тако буди» [15, с. 103].

6) Редедя превосходит Мстислава в силе, не случайно он предложил подобный поединок, будучи, очевидно, уверен в своей безоговорочной победе.

7) Пространная речь Мстислава (относительно пространная на фоне достаточно краткого рассказа, состоит лишь из одного предложения) — это молитва к Пресвятой Богородице о помощи, так как он не может физически одолеть соперника.

8) Мстислав обещает построить богородичный храм в ознаменование своей победы.

9) После произнесенного обета Мстислав побеждает Редедю, повергнув его на землю, позже он вынул нож и ударил противника в гортань, хотя, казалось бы, речь шла о поединке без оружия.

10) В результате поединка Мстислав одолел противника, забрал его имущество, жену, детей, возложил на касогов дань и построил церковь в Тмутаракани.

Разночтения в двух рассматриваемых летописных сводах минимальны: главное отличие Лаврентьевской летописи от Ипатьевской в том, что в ней появляются две детали, два небольших, но значимых уточнения.

1) Когда Редедя предлагает условия поединка, то говорит о том, что получит победитель, и перечисляет: имение, жену, земли и детей (о детях не было сказано в Ипатьевской летописи). Очевидно, что победитель получает все, не только имеющееся сейчас, но и то, что в будущем станет важным, продолжение княжеского рода. Интересно, что в адыгских фольклорных преданиях, о которых речь пойдет подробнее дальше, подобные детали опущены: «Редада — герой касожский, непобедимый богатырь, а, следовательно, все, что “недостойно” его, должно быть опущено. Здесь над историческим фактом доминирует национальное чувство. Вот почему <...> адыгские предания о Редаде не знают варианта о пленении тмутараканскими князьями детей и жены героя» [11, с. 8].

2) Вторая деталь появляется в описании физической силы касожского предводителя. Летописец дважды подчеркивает его силу и величие: «бѣ бо великъ и силенъ Редедя» [16, с. 103]. Летописцу важно не просто указать на большие размеры, превосходство, возможно, в росте, весе, но и сказать о превосходящей физической силе героя, что как будто бы предрешает его победу и в дальнейшем создаст эффект обманутого ожидания.

Однако историки обращают внимание на такую деталь: после того как Мстислав ударил о землю Редедю, т. е. фактически победил, повергнув противника, он «вынзе ножъ и зарѣза Редедю» [16, с. 103]. А.А. Сапунков пишет о подлом поступке Мстислава и нарушении им правил боя: «В ходе тяжелейшего боя Мстислав взывает к помощи Богородицы, но, получив благословение высших сил, сам поступает подло: бросив Редедю о землю, князь Мстислав зарезал соперника» [9, с. 230]. В этом объяснении содержится не восприятие события совре-

менником, но отношение человека, отделенного от произошедшего десятью столетиями. В.В. Долгов же предлагает другое объяснение, в котором Мстислав отнюдь не нарушитель правил боя, а легитимный победитель: «Оружейный поединок был заменен борьбой без оружия не для того, чтобы оставить сражавшихся живыми. Ни один из князей живым не отдал бы свою жену, детей и землю. Победенного не могла постичь иная судьба, кроме смерти» [4]. Таким образом, «зарезание ножом» предстает символом победы Мстислава, это кульминация и итог поединка. В любом случае для каждого из летописцев эта деталь была значима и важна, а так как Мстислав — это «свой» князь, он симпатичен и понятен, ему покровительствует Богородица, т. е. высшие силы, то ее можно считать подтверждением победы, окончательным и безоценочным: Мстислав честно победил и потому забирает все, что раньше принадлежало Редеди. При этом образ Редеди воспроизведен лаконично, безоценочно, он представлен в роли переговорщика, предлагающего условия поединка, и побежденного князя. При создании его образа летописцы не пользуются никакими специальными характеристиками врага (хотя к этому моменту образы врага уже появлялись на страницах древнерусских текстов, и это были не только враги внешние, как половцы или печенеги, но и древнерусские князья, например, Святополк Окаянный). Главное отличие боя Мстислава и Редеди от произошедшего в 992 г. боя печенега и кожемяки заключается в том, что противники равны друг другу в статусе и мыслят себя как равные, в отличие от печенега, который «бѣ бо превеликъ зело и страшен» [20, с. 309], а потому смеется над противником, который оказался «среднии тѣломъ».

Откуда появился такой безоценочный и лаконичный сюжет? Считается, что поединок Мстислава и Редеди в раннем летописании максимально реалистичен и историчен. Подтверждением этому можно считать предание о рукопашном бое, которое присутствует в адыгском фольклоре. Очевидно, что здесь будет представлена иная точка зрения на события, а потому герой и антигерой должны поменяться местами. В пересказе предания, данном Ш.Б. Ногмовым [11], видим, что инициатором похода представлены адыги, которые выступают против тмутараканского войска — Редедя предлагает единоборство. Про сам бой сказано, что противники боролись несколько часов без оружия, наконец, Редедя пал, и князь поразил его ножом. Повество-

вание лишено особой эмоциональности и по сюжету соответствует тому, что мы читали в древнерусских источниках. Особенно стоит отметить безоценочность в эпизоде констатации победы Мстислава: он признан победителем, потому что смог одолеть противника. Результатом боя стало прекращение войны и возвращение адыгов (касогов) в свое отечество. Интересной деталью является то, что в адыгском фольклоре Редедя — не князь, а в первую очередь воин, борец, великан (можно сравнить его образ с образом великана-печенега, с которым бился юноша-кожемяка). В предании Нури Цагова, найденном А.М. Шортановым, о поединке сказано несколько иначе, хотя общая идея сохраняется. Во-первых, Редедя охарактеризован как правитель и человек: «Редада был князь села, хороший князь, свое племя и родину любил больше своей головы, отменный был мужчина» [11, с. 6], а во-вторых, нет речи о поединке: Редедя и его войско пошли на русских, «русские понесли страшные потери» (что говорит о сражении не один на один), а Редедю убили. Видим, что в любой из версий, в древнерусской или адыгской, итог боя одинаков: Редедя погибает, это боль для его войска и народа и подтверждение силы и власти древнерусского князя, хотя в адыгских текстах он не назван по имени (очевидно, как враг, это не является интересным и важным). Возможно, что русская традиция повлияла на адыгскую, так как подтверждений древности сюжета в адыгском фольклоре специалисты не обнаружили (см. подробнее [3], [11]).

Именно так — безоценочно и предельно обобщенно — упоминается сюжет поединка Мстислава и Редеди в «Слове о полку Игореве», когда автор перечисляет, кого воспевал в своих песнях Боян: среди прочих назван и тмутараканский князь, зарезавший перед касожскими полками Редедю, его заслуга — победа над внешним врагом.

2. Варвар

Однако древнерусская поздняя традиция, стремящаяся героизировать рюриковичей и обесценить их противников, проявляющая себя в поздних памятниках, таких как «Степенная книга царского родословия», представляет героев иначе. Заимствуя сюжет, составитель насыщает его новыми деталями и создает иные образы, от безоценочности и лаконичности не остается ни следа. Здесь поступки героев мотивированы, а образы детерминированы, полностью подчинены

строгую делению на отрицательных и положительных персонажей, без возможности нарушения заявленных границ. Даже название главы несет оценочную характеристику — «О храбрости и мужествѣ князя Мъстислава и како побѣди силнаго Редедю» (у Мстислава названы внутренние качества, у Редеди — только физическая сила).

С первых строк 74-й главы I-й степени Мстислав предстает «въ храбрости» удалым, о его победе над касожским князем невозможно не рассказать («не умлѣчано же да будет») [20, с. 371]. Как и полагалось в «Степенной книге», он представлен в окружении великих предков: сын великого князя Владимира, брат святых страстотерпцев Бориса и Глеба, брат по матери Ярославу. Здесь же появляется портрет «хорошего» князя в (древнерусском смысле слова «портрет») — набор отличающих князя характеристик, среди которых внешние («тѣлом же бяше дебелъ, власы черменъ, лицом свѣтель, велики очи имѣя и брови възвышены» [20, с. 372]) и раскрывающие его качества как человека и правителя — добродетель, милосердие, долготерпение ко всем, любовь к просвещению, храбрость в бою, щедрость к приближенным. (Данный портрет позаимствован из Повести временных лет, погодной статьи за 6544 (1036) г., год смерти Мстислава, а потому у него изначально была совсем иная функция. Это портрет панегирический и некроложный. Характеристика «дебелъ», т. е. «толстый», «грузный», могла быть дана князю в конце его жизненного пути, но, исходя из сюжета, не перед состязанием с Редедей. Хотя, учитывая эту его физическую особенность, становится наиболее значим мотив божественного вмешательства в поединок.) В любом случае в портрете несколько раз подчеркивается радение князя о других, эта деталь и послужит объяснением битвы с касогами. Оказывается, что Мстислав выступает против касогов, чтобы нанести превентивный удар — ведь касоги «враждебни бяху дръжавѣ его» [20, с. 372], т. е. угрожают безопасности тмутараканского княжества, однако неизвестно чем и как.

Оппонент древнерусского князя приобретает негативные черты, он не просто вышел против войска Мстислава, чтобы защитить свои земли от нападения, но устремился «буиствомъ грѣдяся», «надѣяся величеству тѣлеснаго си възраста и в лыстѣхъ силы своея хваляся» [20, с. 372]. Так он изначально представлен как буйный, гордый, порывистый, высокомерный, хорошо знающий и, возможно, преуве-

личивающий свои силы и возможности. Создается впечатление, что вся эта предварительная характеристика нужна лишь для того, чтобы противопоставить ей слова пророка (ссылка на авторитетный источник): «не в силе коньстѣи въсхощетъ Господь, ни в лыстѣхъ мужьскихъ благоволитъ, но благоволитъ Богъ на боящихся Его и на уповающихъ на милость Его» (Пс. 146: 10) (речь идет о «лыстѣхъ», т. е. «голенях», показателе проворства и силы). То есть «портрет» Редеди — это фактически иллюстрация верности слов пророка (композиционно находится перед ними), что побеждают не воинская доблесть и физическая сила, а христианское смирение, добродетель и сила духа. После данных характеристик полностью снимается интрига, которая раньше присутствовала в сюжете, результат боя предрешен, он очевиден. Более того, Редедя назван «варваром», в отличие от «своего» Мстислава. А «свой всегда противопоставлен чужому», как пишет В. Колесов, неведомому, иноплеменному, чуждому, чужеземному, «чужой противопоставлен личности и лику», «не может предстать в облике человека» [6, с. 60]. Для древнерусского человека чужое всегда незнакомо, а «варвар» (не просто враг, противник или супостат) — воинственный иноплеменник, грубый, жестокий, дикий.

В разговор с Мстиславом вступает не просто князь, защищающий свою землю, но варвар, «сверѣпъствуя», предлагает условия поединка: «И кто одолѣетъ, тои объ дрѣжавѣ съ всѣмъ достояниемъ приметъ» [20, с. 327]. С точки зрения составителя «Степенной книги», касожский князь не просто обговаривает условия поединка, но «такowymi буиными словесы суемысленыи» хотел утратить «нестрашливое сердце боголюбивого Мъстислава» [20, с. 372]. Очевидно стремление автора оценить каждое слово и каждый поступок героев, но не объективно, а по формуле: свой — чужой, положительный герой — отрицательный, князь — враг. А потому речь Редеди, в которой нет ни одного обидного слова или оскорбления в адрес противника, названа «буйными словесами», «суемыслием» (лжемыслием). Его предложение можно назвать великодушным и справедливым: «Почто намъ бранию пагубѣ предати многиа люди?» [20, с. 372]. Не это ли слова заботящегося о своих подданных князя и военачальника, решающего испытать судьбу? Редедя также бьется за свою землю и свой народ, но возвеличивание «своего» героя за счет умаления заслуг «чужого» — типичный древнерусский прием создания образов. Редедя получает

набор признаков (иноплеменный, варвар, бесстыдный), характерный для ордынца, захватчика.

Ответ Мстислава, краткий и безэмоциональный в раннем летописании, принимает развернутую форму, и, хотя Мстислав не произносит ни одного слова, описание можно посчитать внутренним монологом, объединенным с молитвой: «вѣроу укрѣпився и надеждоу въоружися» он «не отречеся самъ единъ братися съ иноплеменникомъ за все люди своя» [20, с. 372]. Видим, как мотивировки начинают разворачиваться в противоположную сторону: теперь Мстислав борется с иноплеменником, а значит, иноверцем, поганым, за «все люди своя» (хотя именно он был инициатором похода, а теперь стал защитником). Все детали, которые появятся далее, будут иметь конкретную цель — показать победу веры над врагом-захватчиком, иноверцем, недостойным божественного благоволения. Образ Мстислава будто «обрастает» сонмом святых-защитников, которые окружают его изначально, даже когда он их не просит напрямую о помощи: это и Бог, и Пресвятая Богородица, и его святые родственники — Владимир, Ольга, Борис и Глеб. Сравнивая поединок князей с боем Давида и Голиафа (еще одна значимая деталь), автор вновь дает понять, каким будет его исход.

В «Степенной книге» начинающий проигрывать Мстислав произносит более пространную (по сравнению с первоисточником) молитву, в которой не только обращается за помощью, но и напрямую характеризует своего врага: «И да не одолѣет ми, рабу Твоему, сеи нечестивыи съпостать мои и да не речеть: Кдѣ есть Бог его?» [20, с. 372]. Прося о помощи и обещая возвести храм, Мстислав объясняет, почему должен победить, говорит, что он защищает веру (о чем в первоначальной версии не было ни слова), так как, если победит Редедя, это даст ему возможность смеяться над Богом, т. е. хулить веру противника. С точки зрения составителя «Степенной книги», Мстислав предстает защитником веры, а это является оправданием битвы и убийства противника. Борьба князей за территорию представлена как защита веры, бой с захватчиком-иноплеменником выписан по шаблону борьбы с ордынцами. Мысль В. Долгова о зарезании ножом как о части ритуала, а не о подлом поступке здесь вполне подтверждается, так как изначально Мстислав представлен идеально-положительным героем: «низложи съпостата своего безбожнаго <...> удари имъ о землю,

и ножемъ своимъ закла его» [20, с. 373]. Лексема «заклати» намного шире по значению, чем однозначная «зарезати» — убить ножом, это и «заколоть», и «убить», и «принести в жертву», в любом случае звучит не так осуждающе и не настолько резко. Однако на этом описание исхода поединка не заканчивается, появляется значимое добавление: «тако конечнѣи пагубѣ предаде его, и грѣдыню его упраздни» [20, с. 373], т. е. Мстислав одержал верх не просто над врагом, человеком, равным себе противником (или даже превосходящим), но поборол смертный грех — гордыню.

Сопоставим образ врага Редеди с образом великана печенега, который в «Степенной книге» также получает дополнительные характеристики: он «велик и силен», как Редедя, и, что особенно подчеркивается несколько раз, «горделив»: «И поиде къ отроку, яростию дыша, яко левъ, и грѣдостію взимаяся, яко дѣмон, крича и въпия на отрока, яко неистовъ» [20, с. 310]. Таким образом, отроку, как и Мстиславу, необходимо усмирить гордыню, побороть дьявольскую мощь силой веры и молитвы, обращенной к Богу, Пресвятой Богородице. Это определяет исход битвы, уподобленной, как и в случае с Мстиславом и Редедей, бою Давида с Голиафом (видим, что это поздняя традиция, в ранних летописях прямые параллели не проводились). Печенеги, как и касожский князь, названы в тексте «богомерзкими», их предводитель — «варваром», что подтверждает обработку текста в духе противостояния православного русского иноверцу-врагу.

Уподобление поединков (Мстислава и Редеди, кожемяки и печенега) бою Давида и Голиафа понятно и очевидно, но в тексте о кожемяке появляется еще одно сравнение — с боем Нестора, ученика Дмитрия Солунского, и Люя (Лия), гладиатора, убийцы христиан, о котором меньше известно. Как эти сюжеты могли повлиять на переработку древних летописных? В обоих противостоянии построено на двух мотивах: борются физически сильный и слабый; верный и неверный (израильтянин против филистимлянина, христианин против язычника). Именно это дает возможность перенести древнерусские сюжеты в общехристианский контекст.

Бой Мстислава и Редеди переносится в иное измерение: из обычного поединка в бой добра со злом, веры с неверием, а зло должно быть повержено. «Степенная книга», созданная в XVI в., в «условиях освобождения от татаро-монгольского ига, создания централизован-

ного государства и захвата Астрахани и Казани» изображает борьбу Мстислава и Редеди как борьбу «с антихристианской и богопротивной, то есть языческой силой» [3, с. 11]. Редедя охарактеризован практически так же, как враги-ордынцы, которых в «Степенной книге» сопровождают такие определения и характеристики, как «варвары», «безбожные», «поганные», их слова и дела «буйные» (повествование о гибели Михаила Черниковского), яростные (страдание Романа Ольговича Рязанкого), лживые (житие Михаила Тверского). Это происходит за счет ввода деталей, объяснения поступков героев, перенесения этикетных определений, характерных для литературы периода татаро-монгольского ига, на древний сюжет.

3. Племен касожских властелин

История противостояния тмутараканского князя Мстислава касогам заинтересовала в свое время А.С. Пушкина, задумавшего (но так и не осуществившего план) поэму «Мстислав», от которой остался только план. Очевидно, история о Мстиславе заинтересовала поэта во время чтения «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, но вместе с реальными сведениями в текст должны были войти фольклорные, былинные и сказочные мотивы (не случайно вместе с этим замыслом Пушкин вынашивал основанный на русской истории сюжет поэмы «Вадим» и дважды задумывался о создании сказки о Бове¹). О своем намерении рассказать о Мстиславе А.С. Пушкин упомянул в поэме «Цыганы»:

Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок [1].

Воплотил же в реальность идею о создании лиро-эпического произведения о князе Мстиславе поэт-декабрист К.Ф. Рылеев в своей VII

¹ См., например: *Томашевский Б.В.* Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=mYlg9Z5liOY=&tabid=10183> (дата обращения: 15.09.2023).

думе, вдохновленный «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина. Историк обратился к сюжету, сохранив версию древних летописей, а потому в «Истории государства Российского» «касожский князь воспринимался <...> как равный сыну киевского князя; во-вторых, именно Редедя, в соответствии со средневековым рыцарским обычаем, “вызывал на единоборство”, и его вызов, как вызов равного, был принят» [12, с. 82].

Сюжетная линия разработана в непривычном для Рылеева ключе, поэтому можно сказать, что текст стоит среди прочих дум особняком. Принято считать, что герои дум Рылеева — обличители зла, несправедливости, мученики, гибнущие за правое дело, борцы с несправедливостью, народные вожди, страдающие за любовь к отчизне. В центре текста — личность героя-патриота, который противопоставлен своим врагам (Михаил Тверской, Дмитрий Донской, Иван Сусанин), предводителя (Олег, Ермак), каковым можно считать и Мстислава. Однако из текста думы, носящей имя одного героя известного древнего сюжета (что понятно), уходит «тиран», «деспот», «подлый враг». Редедя не наделен отрицательными характеристиками, более того, он во многом уподоблен Мстиславу — изначально они равные противники.

Противостояние начинается со стремительного натиска касогов («Как тучи, с гор текли косоги») и такого же быстрого и резкого ответного удара, который готовился нанести русский князь («Уж храбрый князь Тмутаракани / Кипел ударить на врагов») [18]. Но вдруг, как в кино, сцена замедляется, и на первый план неожиданно выходит герой — странный, непохожий на своих, другой: покрытый кожей медведя, с палицей. Его образ дан через сравнения: «шел, как в океане валится в бурю черный вал», «стал, как сосна, на кургане» — большой, стремительный, крепкий, он словно возвышается над всем русским войском и произносит пространную речь (как и в летописных источниках), в которой объявлено все то, о чем писали древнерусские авторы — предложение бороться один на один, чтобы сберечь войско, и то, что получит победитель (возможность полностью распоряжаться страной побежденного — «владеть врага страну или отдать ее на щит»). Как и в летописных источниках, Мстислав принимает условия боя односложно («“Готов!” — князь русский восклицает...») [18]. Интересно, что героям сопутствуют бестиарные символы: и если ви-

зуальное воплощение Редеди — это медведь, то у Мстислава — это сокол (удалый ясный сокол). И если медведь — это большой, страшный, неуклюжий зверь, то сокол — это символ благородства, мужества, храбрости и ума. Так представлены свой и чужой герои.

На этом различия героев заканчиваются, потому что действуют они одинаково. Именно поэтому вся их борьба воспроизводится глаголами во множественном числе — «сошлись», «схватились», «в бой вступили», «друг друга стиснули», «сдавили», «ловят», «крутятся» и т. д. Уподоблены не только Мстислав и Редедя, но и русское и касожское войска: «хранят молчание два строя», «в них блещет радость или страх». При этом войско — это не только зрители происходящего, каждый из представителей взывает к богу:

То русский хочет славить бога,
Простерши длани к небесам;
То вдруг слышна мольба косога:
«О! помоги, всевышний нам!» [18]

В этом пассаже нет ничего о противостоянии вер, о борьбе христиан с иноверцами. Каждый народ обращается к Богу, каждый просит помощи и заступничества, каждый надеется на победу своего князя, а значит, своего войска и своей «страны». При этом оказывается, что обращения воинов никак не помогают решить исход поединка. Оба борющихся слабеют, они находятся в равном положении: «как верви, вздулись жилы», «глаза, налившись кровью, блещут», «колена крепкие дрожат», «мышцы сильные трепещут», «искры сыплются от лат» [18]. До этого момента не было ни одной предпосылки победы Мстислава (и даже название думы в этом случае не помощник, потому что главные герои Рылеева часто гибнут). После же этого наступает перелом (который вводится в текст с помощью противительного союза «но»), бой подходит к своей кульминационной точке. Исход боя решает не сила, смелость, выносливость или особенности телосложения героев, а поступок Мстислава, именно его (а не войска!) обращение к Богородице в момент падения, когда конец боя максимально близок: «Святая дева! — восклицает: — Я храм сооружу тебе!...» [18]. Интересно отметить романтическое, рыцарское обращение к Богородице, отличающееся от древнерусской традиции, лаконичность этого обра-

щения-молитвы, в котором собственно отсутствует сама просьба, но остаются лишь призыв и обет. Неясно, чего же хочет Мстислав — сохранить жизнь или обрести победу, что для него особенно значимо, хотя из условий поединка понятно, что это уже равнозначные вещи. Реакция на обращение Мстислава мгновенная — в него вливается «сила дивная», он «восстал», практически «из мертвых», побежденных, в чем и видится настоящее чудо.

Роль Мстислава в гибели его врага, Редеди, минимальна, так как автор снимает с него ведущую функцию, русский князь только «рванул бурей разъяренной», «и новый Голиаф упал!» [18], словно великана повергла на землю какая-то огромная сила. Только после этого падения (к которому Мстислав причастен опосредованно) и свершается то, что описано в летописях: Мстислав поразил врага мечом, отсек ему «огромную» голову. На этом дума завершается, нет ни прославлений, ни поучений: Мстислав победил равного себе, похожего на себя врага, только благодаря обращению за помощью к Святой Деве, именно помощь высших сил, чудо решили исход поединка.

Как видим, враг у Рылеева — это не столько «чужой», сколько такой же сильный, как и русский князь. Рылеев делает акцент именно на сходстве героев, показывая, как один поступок, одно слово, вовремя произнесенное, может решить ситуацию. В данном тексте Редедя не выглядит «врагом», а оказывается в первую очередь проигравшим, не вызывает осуждения или жалости, его смерть закономерна, потому что любой бой предполагает, что будут победитель и побежденный, это прекрасно знал и Редедя, который предлагал условия боя.

4. «Витязь» Редедя

Обращается к сцене противоборства и поэт XX в. Виктор Соснора, который вообще любил наполнять древнерусские сюжеты, во-первых, новым содержанием, иными характеристиками, порой предельно выпуклыми, контрастными, а во-вторых, ярким языком разных стилей и эпох [5]. Свои тексты он писал в неофутуристическом духе (ориентировался на поэзию В. Хлебникова, Н. Асеева и М. Цветаевой («Царь-девица») [7]). Как утверждает исследователь И. Кукулин, поэт использует древнерусское (образы, темы, переключки) для решения своих поэтических задач: форсирования сказочности / мифологичности; придания изображаемому большей брутальности; эксперимента-

торства со стихосложением (возврату к экспериментам начала века); иносказательного выражения травматической памяти о войне [7].

Стихотворение называется «Бой Мстислава с Редедей», оно было создано в 1959 г. и вошло в первый сборник поэта «Январский ливень», а позже стало неотъемлемой частью сборника «Всадники». В словаре Брокгауза и Эфрона «бой» — враждебное столкновение двух сторон (не принимая во внимание силы их), начиная от единоборства до сражения между армиями, решающего судьбу целой войны. Его разновидностями названы единоборство, стычка, дело, сражение, генеральное сражение, или битва. Хотя сама по себе лексема «бой» многозначна, в отличие от лексемы «единоборство» или «поединок», она несет в себе новые смыслы — это и убой, и результат битвы.

Исследователи И.Е. Лощилов и Т.И. Ковалева утверждают, что поэт предлагает «фантастическую реконструкцию одной из песен Бояна», а уже на основе «Повести временных лет» «создает развернутую поэтическую “сноску”» [8, с. 169], расширяет краткое упоминание о Мстиславе и Редеде в «Слове о полку Игореве», превращая его в полноценный сюжет.

Стихотворение открывается со своеобразного портрета Мстислава (как в «Степенной книге»), где каждая деталь важна и значима. «В отличие от этикетной характеристики образа князя в летописи, В. Соснора останавливает внимание на отдельных чертах внешности героя, придает его образу некоторую индивидуальность» [8, с. 171], разрывает с древней традицией иконописного подлинника и рылеевским выхватыванием одной значимой детали. Зная исход битвы, читатель сталкивается с такой характеристикой, которая противостоит пониманию об идеальном герое, «своем» князе, потому что персонаж отнюдь не идеализирован: Мстислав не привлекателен внешне, хотя силен, о его внутренних качествах не сообщается: «Мстислав пучеглаз / и угрюм, как пучина»; «закрученный ус у Мстислава торчит. / Мстислав солнцелик. / Но не ясен, /а красен / лицом, / а плечами устойчивей граба» [19, с. 22]. Он угрюмый, и это угрюмство явно недоброе, потому что в него можно провалиться, как в пучину, бездну, неизвестность. Закрученный ус именно «торчит», как что-то резкое, острое. Герой вроде бы и уподоблен солнцу, он солнцеликий, но поэт тут же приводит антитезу, что это не красота облика, он всего лишь краснолицый (очевидно, краснощекий). При этом князь могучий, крепко

стоит на земле, устойчивый. Перед нами маскулинный (брутальный) герой-воин. Именно поэтому подчеркнуто отсутствие влияния на него женского начала, он отрешен от всего женского и женственного, ласкового, нежного, красивого и т. п. («Не видел он ласк / и девичьей кручины / и не подносил полоньянкам парчи» [19, с. 22].) В стихотворении полностью снят мотив моления к Богородице, или святой деде, как у Рылеева, — маскулинный герой не может обратиться к матери, женщине за помощью. Однако он не обращается ни к Богу, ни к другим святым — В. Соснора полностью лишает сюжет религиозного, чудесного, связанного с верой (и потому Редедя не сможет предстать в образе «иноверца»). Мстислав (как маскулинный герой) победит сам, своей силой, напором, натиском (что понятно в контексте событий XX в. — антирелигиозности, революций и войн), для него поединок с Редедей действительно станет боем.

Образ Мстислава сопровождает лейтмотив (два раза — ближе к началу и в самом конце стихотворения) — «Мудрец Ярослав и молва не напрасно / прозвали Мстислава маститого Храбрым» [19, с. 22, 24]. И если второе появление этих слов в тексте исторически мотивировано — ведь именно поединок с Редедей послужил поводом для подобной характеристики, то первое его появление удивительно: получается, что подобную характеристику он уже заслужил, а сейчас только подтверждает сказанное авторитетным источником — князем Ярославом и молвой, т. е. людьми. Получается, что перед нами общепризнанный храбрец.

Как и в думе Рылеева, противоборствующие герои и войска подобны, но если у Рылеева использовались одни и те же лексемы для повествования о врагах, то здесь прием синтаксического и лексического параллелизма дает о себе знать:

Из рощи,

где ропщет

в трясине осока,

ведет русских руссов Мстислав

на косогах.

Из бора,

где ели

у кромки редуют,

ведет горбоносых косогах Редедя.

[19, с. 22]

Полки сосступаются, идут друг другу навстречу, все воины — голдные орлы, все чувствуют запах приближающейся битвы, горланят.

Символично здесь только описание локуса, места, откуда выходят герои. Это и дает нам возможность увидеть, кто здесь положительный герой, а кто — нет. Мстислав идет из рощи, лиственного леса, в котором растут молодые деревья, здесь светло, потому что солнечные лучи легко проходят сквозь молодые ветви и листву. Редедя движется из бора, а бор, как известно, лес хвойный, со старыми деревьями, темный, неосвещенный. Редедя выходит из чего-то страшного и темного, что сулит неизвестность. Примечательно, что «вегетативная образность» [8, с. 172] сопровождает в одинаковой степени и героя, и его врага (как у Рылеева анималистические образы).

Редедя — враг, и у В. Сосноры он опять предстает в роли инициатора боя. Только герой прежних веков говорил предельно лаконично и вежливо, зовя оппонента на поединок. Редедя Сосноры предельно груб, его речь начинается с ругательств и обзывательств, сначала обращенных ко всему войску, а потом уже лично к князю: «— Вы, руссы, / вы — трусы, / собакины дети! / Ваш князь — недоносок, / и харя вдобавок» [19, с. 23]. Враг бросает вызов целому войску, всему народу, называя его трусливым, недостойным. И тогда меняется мотивировка дальнейшего боя — Мстислав борется уже не за имущество, жену и детей (о которых и речи не было, скорее, все говорило об их отсутствии), конкретную территорию, он вынужден парировать, ответить на обидные и унижающие достоинство слова.

В облике Мстислава подчеркивается, что на бой он идет с улыбкой, что для него это обычное дело, к которому не стоит относиться слишком серьезно, он, как герой новгородской вольницы, ничего и никого не боится, обращает угрозу в смех: «Мстислав ухмыльнулся. Мстиславу забавно. / Мстислав до мизинцев улыбкою заслан...» [19, с. 23]. При этом он произносит, очевидно, с иронией слова, не столько обращаясь к противнику, сколько придавая им широкое значение, выходящее за рамки реплики диалога: «— О, витязь Редедя опять нализался!» [19, с. 23]. Лексема «витязь» в прямом значении служит наименованием храброго, доблестного воина, богатыря, она могла бы уравнивать персонажей. Но в речи Мстислава высокое слово «витязь» находится в одной строке с разговорным, просторечным, неодобрительным «нализался», т. е. напился, так противник отрицает то, что его оппонент, будучи сильным и смелым воином, пребывает в ясном уме.

Редедя не просто вызывает на бой, а Мстислав не просто соглашается на это предложение: после оскорбления и ответного смешка единственной возможностью завершить перебранку становится бой. Кулачная схватка — это спонтанное эмоциональное решение, которое принимают герои стихотворения, повинувшись инстинкту. Интересно, что на обидные слова врага русский князь отвечает не грубостью, а насмешкой, издевкой, словно умаляя его достоинство, списывая его речь на влияние крепких напитков.

Описание боя лишено подробностей, это не просто бой двух равных противников, а набор выхваченных глазом очевидца эпизодов-деталей: оборонные латы летят в лопухи, мечи — туда же вслед за латами, мелькают кулаки, не видно лиц и эмоций дерущихся, только войска (армии) и наблюдают за ходом сражения, молчат, но бряцают металлом. Смерть врага ничем и никак не мотивирована — она наступает неожиданно и необъяснимо: герои бились, ничья сила не превосходила силу противника, но вдруг «вскрикнул Редедя — и замертво рухнул...» [19, с. 23]. Гибель приходит быстро и неожиданно; в отличие от летописного сюжета, это не продуманное действие, а быстрое, необдуманное, но решительное противостояние.

Обращает на себя внимание описание гибели Редеди:

Вот вскрикнул Редедя —
и замертво рухнул,
раскинув черноволосые руки.
Он рухнул, как ствол под секирою грубой,
не выпивший всласть
черноземного сока [19, с. 23].

Глаголы и глагольные образования, описывающие гибель Редеди, с суффиксом -ну-, который подчеркивает одномоментность, мгновенность действия, призваны акцентировать внимание на то, как скоротечна жизнь, показать, что приносит с собой битва (война!). Данная сцена отдаленно напоминает еще одну картину боя (выглядящего как потешный, кулачный, но по значению — смертного) купца Калашникова и опричника Кирибеевича:

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная [17].

Переключки можно заметить на лексическом, образном и эмоциональном уровнях: вскрикнул Редедя и застонал Кирибеевич (более интенсивное действие), замертво рухнул (глагол употреблен дважды) казожский князь и упал замертво, повалился Кирибеевич. В сцене гибели присутствуют ботанические символы: ствол, не напившийся черноземного сока, плодородного, питательного (символ связи с земным миром, перерубленный ствол — смерть) и сосенка (а не сосна), в которых очевидно проявляется авторское сожаление по загубленной жизни, силе. Редедя погибает «под грубой секирой», а Кирибеевич похож на сосенку, «под корень подрубленную». Герой-противник, враг, отрицательный персонаж гибнет, но авторы (Лермонтов и Соснора) проявляют сочувствие к нему как к человеку, несколько минут назад еще живому. При этом обращает на себя внимание следующее: только у Сосноры снят эпизод добивания павшего врага ножом, Мстислав до конца остается безоружен. Видимо, все же для человека XX в. добить противника считалось грубым и аморальным поступком. Роль Мстислава в гибели Редеди минимизирована, это словно судьба, рок, то, что должно свершиться, а русский князь — только реализатор идеи возмездия.

Мстислав после одержанной победы предстает в образе настоящего бойца, который продолжает борьбу, выделены такие детали, как разможенные губы (говорят о тяжелой, нелегкой победе), набыченная шея. Он словно почувствовал в себе немереную силу и «пошел на косогов, / Один — / против армии в несколько тысяч, / с двумя кулаками — / на полчища стали» [19, с. 24]. Вот в этой сцене перед читателем уже великан, богатырь, человек несокрушимой силы и воли, он «один в поле воин», одним своим видом способен обратить врага в бегство. После боя Мстислав снова предстает в облике представителя «новгородской вольницы», буяна, принципиально не князя, а представителя «голытьбы», он пирует с крестьянами «до храпа», так его облик лишен всего княжеского, и княжеского величия в первую очередь.

5. «Помилованный» Редедос-кесарь

Взгляд из XX в. на поединок героев появляется и в эпизоде романа В. Иванова «Русь Великая». Этот фрагмент представлен в памяти Мстислава, разговаривающего с товарищем-тмутараканцем, когда русский князь думает о несправедливом к себе отношении брата Ярослава, который «не наделил его из выморочных волостей, дает Муром и говорит, что Тмуторокань богаче Киева» [14, с. 26]. Так в ходе разговора о владениях (своих и неприобретенных) и подсчета лет, «засев в садовую тень, вспомнили свой последний поход на касогов, после которого касоги, присмирив, с Тмутороканью примирились» [14, с. 26]. Этот сюжет, очевидно, в памяти Мстислава всплывает не случайно, не победа ли его над касогами должна утвердить его право владеть богатыми землями близ центра?

Образ Мстислава является центром повествования, Редедя представлен лишь в небольшом эпизоде, а потому интерес автора сосредоточен не на фигуре врага, а на фигуре русского князя. Тенденцией литературы XX в. становится выделение фигуры победителя как центральной, сосредоточение внимания на ней, т. е. на психологии героя-победителя, героя-своего, а потому враг обрисован тускло, порой неэмоционально, скорее, как побежденный противник, но не как тот, кто представляет особую опасность, теперь Редедя не варвар и не иноверец, а обычный противник.

Редедя, князь, как пишет автор, по-гречески Редедос-кесарь (удивительная деталь, которая не могла встретиться в ранних обработках сюжета, когда Редедя уравнивается в социальном статусе с Мстиславом, он становится «кесарем»), здесь также выступает инициатором поединка — предложил вместо «общего боя» «божий суд». Поединок, в трактовке Иванова, представлен судом божьим, т. е. получается, что изначально не сила и мощь противников должны решить его исход, но Божье благоволение. При этом удивительно, что мотив моления к Богородице будет снят: Мстислав не будет взывать к ее заступничеству во время боя, хотя в итоге возведет храм: «В память победы Мстислав на выкуп Редедьевой семьи построил храм деве Марии, княгиня у него крещеным именем тоже Мария» [14, с. 27]. В этой формулировке многое удивительно: во-первых, храм построен в честь победы (но не в благодарность за помощь), во-вторых, на деньги касогов, а не русского князя, в-третьих, здесь совмещаются сразу же зем-

ное и небесное, вера в высшие силы и любовь к реальной женщине, возведение храма становится еще и способом увековечить имя жены. Очевидно обытовление сюжета, его низведение на уровень человеческий, земной, понятный каждому читателю XX в.

Описание боя также дано с необычного ракурса, казалось бы, это должны быть воспоминания Мстислава, но фразы «сердце изныло глядеть», «почему легче самому делать, чем смотреть на тяготы других» [14, с. 26, 27] указывают на то, что это рассказ наблюдающего за боем, а не непосредственного участника. Перед нами — прием отстранения, попытка изобразить событие глазами того, кто видит его со стороны, и несобственно-прямая речь, переданная не от лица героя, но автора. Значимым отличием поединка от предыдущих трактовок является то, что бой изначально ведется при помощи оружия: здесь и шлемы иссеченные, и расщепленные щиты, помятые и поломанные латы и оружие. Лишь кульминационной точкой становится кулачный бой — это последняя возможность для противников определить победителя при равных условиях и без всякого рода защиты. Автор подчеркивает силу Редеди (богатырь телом, крупнее Мстислава), но, несмотря на объективное превосходство, верх одержал русский князь.

О смерти врага сказано так: «...Мстислав пересилил, хватил оземь через колено и довершил его жизнь ножом», — пока все в соответствии с древним сюжетом, но позже написано: «Касоги сказали — помиловал: по-ихнему, для побежденного нет солнца» [14, с. 27]. Пояснение подобному способу убийства дает не главный герой и даже не автор, но касоги, которые согласны с тем, что добить поверженного противника — это единственно верное и справедливое (!) решение. То, что некоторые историки считали подлостью, на страницах романа превращается в милость.

История с семьей побежденного также получает новое звучание: летописный герой берет все, что было у врага, не раздумывая и не переживая за судьбу жены и детей Редеди, в романе же Мстислав, как благородный князь и воин, отдал касогам за выкуп, дал возможность поверженной стороне избежать бесчестия (здесь уже действуют не древнерусские законы, но законы Нового времени). Рыцарственность Мстислава подчеркивается рассказом о том, что после этого поступка (а не самой победы) касоги стали проситься на службу в Мстиславову дружину, и характеризует их автор не как типичных врагов, но как

хороших воинов и людей (народ): «народ они верный, честь чтут до смерти» [14, с. 27].

Видим, что эпизод фактически лишен образа «врага», Редедя отодвинут сюжетно на периферию, а потому предстает в роли поверженного противника, в то время как касоги, казалось бы, чуждый народ, представлен как желающий служить русскому князю и почитающий его. Главным понятием эпизода становится честь, присущая главному герою Мстиславу, ведущему себя по-рыцарски благородно, при этом религиозные мотивы уходят на второй план.

Древний сюжет о единоборстве Мстислава и Редеди оказался востребованным определенными авторами и эпохами именно потому, что отвечал запросам времени. И если описание образа Мстислава (своего, положительного персонажа и победителя) в целом не менялось, то трансформации подвергался образ проигравшего, врага, чужого: имагологическое восприятие Редеди отражало отношение русского человека к врагу (или завоевателю). Перерабатывалось и переосмыслялось представление о враге, который мог восприниматься как недруг, чужестранец, иноверец (ненавидимый и презираемый), но с развитием гуманистических тенденций, даже в эпоху великих войн XIX и XX вв., враг, при наличии определенных снижающих характеристик, в целом не лишается человеческого облика. Изменения, как ни странно, коснулись также религиозной составляющей нарратива, а потому мотив моления Богородице со временем постепенно уходит на второй план или вовсе вытесняется из повествования, что, с одной стороны, отражало ту историческую ситуацию (и отношение к религии), в которой работал писатель, а с другой — указывало на метод работы писателя с историческим (летописным, древнерусским) материалом, который мог восприниматься как реально-исторический, легендарный, героико-эпический.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 *Бонди С.М.* Комментарий: А.С. Пушкин. Мстислав // *Пушкин А.С. Собр. соч.:* в 10 т. Т. 3. URL: <https://rvb.ru/pushkin/02comm/0809.htm> (дата обращения: 10.08.2023).

- 2 *Гадло А.В.* К истории Тмутараканского княжества во второй половине XI в. // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение Древней Руси: сб. ст. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. Вып. 1. С. 202.
- 3 *Дзамихов К.Ф.* Ранние летописные сюжеты о касогах и фольклор // *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 7–14.
- 4 *Долгов В.В.* Поединки в древнерусской воинской культуре // Военно-исторический журнал. 2014. № 6. С. 57–60.
- 5 *Ковалева Т.И., Лоцилов И.Е.* Стихотворение Виктора Сосноры «1111 год»: от древнерусской традиции к авангарду // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 581–599. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-581-599>
- 6 *Колесов В.В.* Мир человека средневековой Руси. М.: Академический проект, 2019. 659 с.
- 7 *Кукулин И.* «Туда, где нет Я...»: Виктор Соснора и эволюция русской поэзии второй половины XX века // Новое литературное обозрение. 2019. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/6/tuda-gde-net-ya-viktor-sosnora-i-evolyucziya-russkoj-poezii-vtoroj-poloviny-xx-veka.html> (дата обращения: 07.05.2023).
- 8 *Лоцилов И.Е., Ковалева Т.И.* «Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 166–179. DOI: 10.17223/18137083/83/13
- 9 *Сапунков А.А.* Генезис кулачного боя как элемента правовой культуры древнего, античного и средневекового общества: историко-правовое исследование // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 2 (85). С. 226–233. DOI: 10.24412/1999-6241-2021-2-226-233
- 10 *Трофимова Н.В.* Эпический сюжет единоборства в древнерусских памятниках // Семантика народной культуры в литературе: Материалы межвузовской междисциплинарной научной конференции с международным участием. Москва, 21–22 октября 2021 г. / под общ. ред. Д.В. Абашевой. М.: МПГУ, 2022. С. 79–85.
- 11 *Цыганков С.А.* Поединок Мстислава с Редедей и его отражение в фольклоре // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 3–9.
- 12 *Шеуджен Э.А.* Н.М. Карамзин о первых контактах народов Руси и Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1. С. 77–83.
- 13 *Sakhno S.* L'image de l'ennemi à travers les termes de différentes langues (données de sémantique historique) // *Krulic B.* (éd.) L'ennemi en regard(s). Images, usages et interprétations dans l'histoire et la littérature (France, Allemagne, Russie, XVIII–XX siècles). Berne etc.: P. Lang, 2012. P. 13–30.

Источники

- 14 Иванов В. Русь Великая: Роман-хроника. М.: Современник, 1988. 589 с.
- 15 Ипатьевская летопись / ПСРЛ. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. 2. С. 93–94.
- 16 Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. Т. 1. С. 102–103.
- 17 Лермонтов М.Ю. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. URL: <http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/kalashnikow.txt> (дата обращения: 03.07.2023).
- 18 Рылеев К.Ф. Мстислав Удалий. URL: <https://rustih.ru/kondratij-ryleev-dumavii-mstislav-udalij/> (дата обращения: 15.06.2023).
- 19 Соснора В. Бой Мстислава с Редедей // Соснора В. Всадники. Л.: Лениздат, 1969. С. 22–24.
- 20 Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: в 3 т. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1. 598 с.

REFERENCES

- 1 Bondi, S.M. “Kommentarii: A.S. Pushkin. Mstislav” [“Commentaries: A.S. Pushkin. Mstislav”]. Pushkin, A.S. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.], vol. 3. Available at: <https://rvb.ru/pushkin/02comm/0809.htm> (Accessed 22 July 2023). (In Russian)
- 2 Gadlo, A.V. “K istorii Tmutarakanskogo kniazhestva vo vtoroi polovine XI v.” [“On the History of the Tmutarakan Principality in the 2nd Half of the 11th Century”]. *Slaviano-russkie drevnosti. Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Drevnei Rusi: sbornik statei* [Slavic-Russian Antiquities. Historical and Archaeological Study of Ancient Rus’: Collection of Articles], iss. 1. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1988, p. 202. (In Russian)
- 3 Dzamikhov, K.F. “Rannie letopisnye siuzhety o kasogakh i fol’klor” [“Early Chronicle Stories about the Kasogs and Folklore”]. Dzamikhov, K.F. *Adygi: vekhi istorii* [Adygs: Milestones of History]. Nalchik, El’brus Publ., 2008, pp. 7–14. (In Russian)
- 4 Dolgov, V.V. “Poedinki v drevnerusskoi voinskoj kul’ture” [“Duels in Old Russian Military Culture”]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 6, 2014, pp. 57–60. (In Russian)
- 5 Kovaleva, T.I., and I.E. Loshchilov. “Victor Sosnora’s Poem ‘1111’ from Old Russian Tradition to Avant-garde.” *Germenevtika drevnerusskoj literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 581–599 <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-581-599> (In Russian)
- 6 Kolesov, V.V. *Mir cheloveka srednevekovoi Rusi* [World of Man in Medieval Rus’]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. 659 p. (In Russian)

- 7 Kukulin, I. “‘Tuda, gde net Ia...’: Viktor Sosnora i evolutsiia russkoi poezii vtoroi poloviny XX veka” [“‘There, Where is no I...’: Victor Sosnora and the Evolution of Russian Poetry of the Second Half of the 20th Century”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6, 2019. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/6/tuda-gde-net-ya-viktor-sosnora-i-evolyucziya-russkoj-poezii-vtoroj-poloviny-xx-veka.html> (Accessed 7 May 2023). (In Russian)
- 8 Loshchilov, I.E., and T.I. Kovaleva. “‘Mstislava drevnii poedinok...’: rasskaz ‘Povesti vremennykh let’ v stikhotvorenii V. Sosnory ‘Boi Mstislava s Rededei’ (1959)” [“‘The Ancient Duel of Mstislav...’: The Story of ‘The Russian Primary Chronicle’ in a V. Sosnora’s Poem ‘The Battle of Mstislav with Rededya’ (1959)”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, 2023, pp. 166–179. DOI: 10.17223/18137083/83/13 (In Russian)
- 9 Sapunkov, A.A. “Genezis kulachnogo boia kak elementa pravovoi kul’tury drevnego, antichnogo i srednevekovogo obshchestva: istoriko-pravovoe issledovanie” [“History of Fistfighting as an Element of Legal Culture of Ancient, Antique and Medieval Society: Historical and Legal Research”]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel’nykh organakh*, vol. 26, no. 2 (85), 2021, pp. 226–233. DOI: 10.24412/1999-6241-2021-2-226-233 (In Russian)
- 10 Trofimova, N.V. “Epicheskiy siuzhet edinoborstva v drevnerusskikh pamiatnikakh” [“The Epic Plot of Single Combat in Ancient Russian Texts”]. Abasheva, D.V., ed. *Semantika narodnoi kul’tury v literature: Materialy mezhvuzovskoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, 21–22 oktiabria 2021 g.* [Semantics of Folk Culture in Literature: Proceedings of the Interuniversity Interdisciplinary Scientific Conference with International Participation. Moscow, October 21–22, 2021]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2022, pp. 79–85. (In Russian)
- 11 Tsygankov, S.A. “Poedinok Mstislava s Rededei i ego otrazhenie v fol’klore” [“The Duel Between Mstislav and Rededya and Its Reflection in Folklore”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, iss. 4, part 1, 2008, pp. 3–9. (In Russian)
- 12 Sheudzhen, E.A. “N.M. Karamzin o pervykh kontaktakh narodov Rusi i Severnogo Kavkaza” [“N.M. Karamzin on the First Contacts of the People of Rus’ and the North Caucasus”]. *Nauchnaia mysl’ Kavkaza*, no. 1, 2013, pp. 77–83. (In Russian)
- 13 Sakhno, Serguei. “L’image de l’ennemi à travers les termes de différentes langues (données de sémantique historique).” Krulic, Brigitte, éditeur. *L’ennemi en regard(s). Images, usages et interprétations dans l’histoire et la littérature (France, Allemagne, Russie, XVIII–XX siècles)*. Berne etc., P. Lang, 2012, pp. 13–30. (In French)

Информация об авторе: Екатерина Александровна Андреева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Information about the author: Ekaterina A. Andreeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Для цитирования: Андреева Е.А. Поединок Мстислава и Редеди: трансформация образа врага // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 342–368. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-342-368>

© 2024, Е.А. Андреева

For citation: Andreeva, E.A. “Mstislav and Rededy’s Duel: Transformation of the Enemy’s Image.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 342–368. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-342-368>

© 2024, Ekaterina A. Andreeva